

РОССИЯ

М. А.

Тебе, не верящей слезам,
снегам твоим, воронам, галкам,
зачем поэзии Сезам,
его сияющая свалка?

Ты без него была и есть.
Собачьим воем, птичьим граем.
Быстра на ласку и на месть,
на то, что мы не выбираем.

Быстра на выбитый сустав,
на «пасть порву», «поешь, сыночек».
К чему тебе еще состав
певучей крови одиночек,

что смотрят в небо (тучи там),
живут, как звери, много квасят,
и видят — с двух сторон Креста
твои, родная, ипостаси¹.

ПРАВА

Н. П.

Больничный сквер. Все валится из рук.
Попробуй удержи-ка папиросу.
Зато так ясно слышен ультразвук
до этого неслышимых вопросов.

Всех этих «сколько», «ради», «почему» —
не увернуться, не поставить блока.
Впервые даже птичью кутерьму
не видишь умиленно-однобоко.

Владислав Александрович Пеньков родился в 1969 году во Владивостоке. Сменил несколько мест жительства и работ. Но главными считает проживание в Витебске и Таллине и работу над стихами. Выпустил два поэтических сборника. Печатался в российской и эстонской периодике. Член Союза российских писателей с 2006 года.

¹ Лк. 23:39—43.

Кипит, как гречка, голубиный пир
без признаков согласия и мира —
об этом мог бы написать Шекспир,
создай Господь зоолога Шекспира.

Конечно, биология права.
А все-таки я выдержал экзамен,
я получил хоть птичьи, но права
глядеть на все особыми глазами.

УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ

Р. Г.

Почаевничаем, что ли?
Сердце бьется и скорбит.
В чисто русском чисто поле
выпал вечером сорбит.

А тебе хотелось снега?
Тройки блоковской полет?
Чтобы нежность? Чтобы нега?
Не волнуйся, заживет.

Перья страуса в стакане.
Чашка чая на столе.
Мышь в «Урале», вошь в аркане,
корни в небе и в земле.

А в груди темно и тесно.
Пусть за нас ответит он —
всю изящную словесность
озаряющий закон.

Выпьем с горя, человечек,
выпьем горькой, человек.
Не увидеть смертниц-свечек
из-под гоголевских век.

НА ДНО

Р. Г.

На горизонте чей-то узкий парус,
а здесь трава, иголки и песок.
И нечего, казалось бы... Но парюсь,
как будто — от чего? — на волосок.

В траве лежат еда, бутылка пива,
сухой табак приятно кисловат.
И облако, плывущее красиво,
уходит навсегда, идя в закат.

Уходит навсегда. Так вот в чем дело.
Опять застала истина врасплох.
Купальщики визжат в прибое белом,
издалека похожие на блох.

И хочется потише и поглуше.
Но весело кричат, идя ко дну,
стоящие обеими на суше,
зашедшие по пояс в глубину.

СУДЬБА

Н. П.

Не эта судьба, так другая.
Но тот же, наверно, набор —
выходит окно на сарай,
присыпанный листьями двор,

на снегом присыпанный вечер,
на серого цвета траву,
на землю, где сын человеческий
опять не преклонит голову.